

СМЫСЛОВЫЕ ЗАМЕНЫ И СУБЪЕКТИВНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ В ДВУЯЗЫЧНОЙ ТЕКСТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Масленникова Евгения Михайловна
Тверской государственный университет,
Тверь, Россия

Аннотация

Получаемый в процессе переводческой деятельности вторичный текст рассматривается как личностная (переводческая) проекция оригинала, предназначенная для вторичных читателей из системы переводящего языка, чью концептуальную систему принимает во внимание переводчик, являющийся активным интерпретатором наряду с настоящими первичными читателями из системы исходного языка. Имеющийся у переводчика образ реально существующего Мира и Мира текста обуславливает как выбор переводческих эквивалентов и переводческих замен, так и установление компонентов ситуации из Мира текста. На N-множественность переводов влияют не только факторы психологического, когнитивного и социокультурного характера, но и имеющиеся у переводчика личностные установки, из-за которых он начинает приписывать оригиналу актуальные (или текущие актуализированные) смыслы, выполняя смысловые замены, которые способны иногда практически полностью преобразовать и / или видоизменить авторский Мир текста. Цель статьи – показать особенности действия принципа смысловых замен и принципа субъективной зависимости (термины А.А. Залевской) на языковое (пере)конструирование Мира текста в целом или его отдельных фрагментов в частности. Материалом исследования послужили переводы произведений русских писателей на английский язык и английских писателей на русский язык.

Ключевые слова: текст, понимание, перевод, интерпретация, смысл, смысловые замены, субъективная зависимость

Многоплановость художественного текста, когда СЛОВО становится его конвенционально-специфической единицей, делает принципиально возможной реализацию одного и того же плана содержания в разных планах выражения, что изначально предполагает направленность на совместное осмысление текста в режиме диалога «автор « читатель».

Поэтическое значение СЛОВА в художественном тексте создается автором как осложнение обыденного слова семантической нагрузкой, когда на общеязыковое значение слова накладываются новые значения. При ориентации на образно-семиотическую составляющую оригинала [Базылев, Сорокин 2000] переводческая деятельность получает дополнительную когнитивно-эмотивную нагрузку. В этом отношении развиваемый на современном этапе междисциплинарный подход к переводу как к процессу и результату позволяет дать его следующее определение:

«Перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский 2004: 214].

Преобладающее долгое время упрощенное понимание перевода как процесса, где оригинал представляет собой только «входной материал», а собственно перевод – «выходной материал» (см. подробнее [Масленникова 2014]), не позволяет объяснить потенциальную N-множественность получаемых переводов и / или притягательность одних и тех же текстов, благодаря чему, например, в англоязычном мире существует 28 полных переводов романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, 12 переводов поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя и 12 переводов пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова, а в русскоязычном пространстве имеется 34 перевода стихотворения «The Raven» Э.А. По, 20 переводов шекспировской трагедии «Hamlet», 16 переводов романа «A Study in Scarlet» А. Конан Дойля. Каждый из 150 стихотворных переводов шекспировского сонета 66 в той или иной степени раскрывает исходный текст по-разному. Разные способы языкового воплощения (см. об индивидуальном использовании системы языка в [Сиротинина 1986]) позволяют (потенциально) реализовывать один и тот же план содержания в разных планах выражения, но не только многоплановость художественного СЛОВА делает N-множественность текста возможной.

Концепция о системе из пяти составляющих («продюцент – его проекция текста – тело текста – реципиент – его проекция текста» [Залевская 1991: 158]), где деятельность автора-продюцента и деятельность читателя-реципиента изначально будут разнонаправленными в силу их различной мотивации, позволяет объяснить изменения, которым подвергается исходный иноязычный текст в случае двуязычной текстовой коммуникации перевода, и расхождения, которые проявляются при сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и его переводов-интерпретаций, выполненными переводчиками, которые могут являться современниками автора или быть отделенными от автора пространственно-временным барьером. Еще в 1929 году Н.А. Рубакин, предложивший новое научное направление, названное им библиопсихологией, писал о том, что читатель является носителем значения текста, а построение читателем его проекции книги (текста) определяется его личностными особенностями восприятия [Рубакин 1929]. Е.Ф. Тарасов полагает, что различия интерпретаций представляют собой «скорее различия вариантов, так как инвариантность интерпретации обеспечивается общностью социального плана носителей языка» [Тарасов 1979: 106]. Например, иерархия антиценностей, сложившаяся в эпоху СССР 1980-х годов, заставляет русскоязычных переводчиков увидеть в строке шекспировского сонета 66 (*And gilded honour shamefully misplac'd*) *Пустоту, чья вся в наградах грудь* (Р. Винонен, 1971) и *срам орденов и галунов* (В. Орел, 1982). Даже в переводах XXI века фигурируют *ордена на платьях у шутов* (В.М. Золин, 2013), а *зло – в лампадах* (С.И. Трухтанов, 2006), что позволяет выйти на представление о войне как о мировом зле. От лица Шекспира переводчик Е.Н. Борисов (2014) не может видеть *олигархов, которые кровь сосут последнюю с планеты*, Ф. Дымов (2007) – *вместо храмов тлен на пепелищах*, В.М. Золин (2013) – *роскошь баснословную воров*.

Поскольку «в художественном тексте осуществляется не индивидуальное языковое представление некоего универсального смысла, а представление личностных смыслов в конвенциональных языковых единицах» [Пищальникова, Сорокин 1993: 4], то перевод становится индивидуальной читательской (переводческой) проекцией, на основе которой уже непосредственно вторичный читатель будет формировать свою собственную проекцию текста и представленного в нем текстового Мира, рефлексирова, таким образом, не над исходным «Шекспиром», «Агатой Кристи» или «Достоевским». Родившийся на территории Царства Польского, которое с 1815 года входило в состав Российской империи, и оказавшийся в Англии после участия в провалившемся восстании 1830 года, первый переводчик поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» Кристин Лях-Ширма / Krystyn Lach-Szygma (1791–1866) опубликовал свой перевод под названием «Home life in Russia» (буквально ‘Домашняя жизнь в России’) в 1854 году, приписав авторство неназванному русскому дворянину, опасавшемуся попасть за свое произведение в Сибирь. Объявив в предисловии, что читатель познакомится с домашней жизнью «древних союзников» и «нынешних врагов» Англии («our ‘ancient allies’ and present foes»), переводчик намеренно «правит» гоголевский текст с тем, чтобы в глазах европейцев показать дикость его героев. Служивший в России на должности секретаря посольства США (1862–1863) американский писатель, журналист и переводчик Б. Тейлор / B. Taylor (1825–1878) переписывает окончание повести «Старые годы» (1857) П.И. Мельникова-Печерского с учетом сложившихся западных традиций массовой культуры, требующей непременно счастливого конца.

Перевод как результат переводческой деятельности отражает непосредственно программу этой деятельности, направленной на достижение определенной цели и результата, в процессе осуществления которой взаимодействуют механизмы многоуровневого когнитивного и коммуникативного контроля, т.е. переводческая деятельность направлена «в вербальном материале <...> как на формальные элементы текста и сличение их с имеющимися в речевом опыте и в системе языка эталонами, так и на “смысловые вехи”, сличение их с имеющимися в жизненном и интеллектуальном опыте индивида понятиями и представлениями» [Ейгер 1990: 50]. Переводческое оперирование СЛОВОМ предполагает опору не только на его имеющийся индивидуальный опыт и (пере)житой социальный опыт и систему знаний, но и на эмоционально-оценочное отношение к ним. Перед тем как отправиться зимой в долгий путь, герой сказки О. Уайльда «The Devoted Friend» (1888) тепло оделся (*he took down his great fur coat, and his warm scarlet cap, and tied a muffler round his throat, and started off*). Предметами зимней одежды стали *great fur coat* ‘мужское пальто на меху’ и *muffler* ‘кашне, шарф’, но *кашне* и привычный для русской культуры *шарф* носят по-разному: *надел теплую шапку, повязал платком горло* (И.П. Сахаров, 1908). Если относительно цвета шапки (*scarlet*) переводчики выбирают разные оттенки красного (*красный, пунцовый, алый*), то относительно выбора эквивалента для верхней одежды героя они проявляют согласие: это *большая шуба* (Ю. Кагарлицкий, 1960; А. Соколова, 1937) и *толстая шуба* (А. Грызунова 2010). В соответствии с русской зимой герою потребовалась *шерстяная шапка* (П.В. Сергеев и Г. Нуждин, 2002). Удалой ямщик из пушкинского романа «Евгений Онегин», облаченный в *тулуп* и *красный кушак*, получил в переводе О. Эммет и С. Макуренковой (1999) *crimson sash*, который часто является деталью костюма удалого и храброго молодца из английской литературы XVII–XIX веков.

Считая, что ядерные ценности культуры сосредоточены в ее ключевых словах, а словарный состав становится своеобразным «ключом» к этносоциологии и психологии культуры, А. Вежицкая [Вежицкая 2001], пишет, что определенный набор ключевых слов заключает в себе определенную систему культурных ценностей и отражает принятые и разделяемые в социуме культурно-обусловленные модели поведения. Проанализировав сводные данные «Словаря ассоциативных норм русского языка» и «Русского ассоциативного словаря», Н.В. Уфимцева [Уфимцева 2002] делает вывод о том, что системность и стабильность языкового сознания носителя русского языка поддерживается совпадением 6 слов из первых 10 слов: *человек, хорошо, дом, друг, нет, жизнь*. Упомянутая в шекспировском сонете 66 *моя любовь (Save that, to die, I leave my love alone)* становится при переводе чаще всего именно *другом*. Герой сказки О. Уайльда «The Happy Prince» (1888) вспоминает, что при жизни он играл со своими товарищами-компаньонами (*In the daytime I played with my companions in the garden*). Перевод сказки на русский язык отражают особенности модели *дружба* (см. [Вежицкая 2001]): *я играл с товарищами в саду...* (Т. и С. Бертенсон, 1909), *я забавлялся в саду с друзьями...* (К. Чуковский, 1960), *играл я с друзьями в саду...* (А. Грызунова, 2010), *я играл с друзьями в саду...* (П.В. Сергеев и Г. Нуждин, 2002), *я играл в саду со своими друзьями...* (Е. Кузьмин). Исключение составляет современный перевод В. Чухно, который сделал акцент на виды игр: *Дни я проводил в саду, играя в разного рода игры со своими приближенными* (В. Чухно, 1999).

А.А. Залевская [Залевская 1988, 2007 и др.] выделяет в качестве фундаментальных принципов, на которых основана работа речевого (языкового) механизма человека, принцип субъективной эквивалентности и принцип смысловых замен, которые обеспечивают предметность через выход на образ мира, контроль правильности идентификации денотатов, укрупнение единиц индивидуального знания, а также компрессию смысла и развертывание смысла.

В переводческой деятельности принцип субъективной зависимости и принцип смысловых замен могут быть увязаны с ситуациями (или наборами ситуаций), которые в той или иной степени представляются знакомыми переводчику, выступающему по отношению к автору оригинала в роли его квази(со)-автора, который при этом подбирает операторные инварианты на основе проводимого анализа ситуации из Мира текста и вывода умозаключений, позволяющих ему в определенной степени прогнозировать и / или задавать дальнейшую личностную проекцию, получаемую вторичным читателем из системы переводящего языка с учетом его системы знаний.

В отдельных случаях можно говорить о типичных переводческих приоритетах в выборе определенных эквивалентов по причине достаточно устойчивого функционирования того или иного слова как достояния индивида (термин из работ А.А. Залевской). Например, наблюдается сложившаяся переводческая традиция передавать разные члены английского синонимического ряда POLICE (*bobbies, bulls, cops, peelers* и др.) на русский язык как *фараоны*: именно такое специфическое разговорно-пренебрежительное наименование полицейских было в ходу в дореволюционной Российской империи. Конечно, за словом *фараон* у пользовавшихся им в ту эпоху стоят определенные закодированные понятия, своего рода идеологемы, связанные также с психологической структурой значения слова (термин из работ А.А. Залевской).

Общность переводческих решений относительно *фараонов* можно объяснить тем, что «для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.» [Залевская 2007: 203]. Вариант с *фараоном* или *фараонами* выбирают не только переводчики, как, например, С. Заяицкий (1893–1930), М.Г. Волосов (1895–1941) или С.А. Вершинина (1873–1942), лично заставшие времена Российской империи, когда в глазах обывателей полицейские олицетворяли собой творимый в государстве произвол, или переводчики, как, например, Н. Галь (1912–1991), Р.Е. Облонская (1924–2010) и Е.А. Суриц (1929–2022), жившие в ту эпоху, когда память о прошлой дореволюционной России была жива: *You kin fight in the middle, under the electric light, an 'whichever way the bulls come in we kin sneak the other way.* J. London. Martin Eden (1909) → ... *драться будете посередке, под электрическим фонарем, а мы будем смотреть, не идут ли фараоны* (С. Заяицкий, 1929); *Драться можно посередке под фонарем, а появятся фараоны, дадим деру в другую сторону* (Р.Е. Облонская, 1984); *Look at the copper watchin'.* Th. Dreiser. Sister Carrie (1900) → *Посмотрите на фараона – не спускает с нас глаз* (М. Волосов, 1927); ... *Basket the butler entered with the information that there was a couple of Peelers downstairs with a warrant from the Queen.* V. Woolf. Orlando (1928) → ... *Баскет, дворецкий, явился с сообщением, что внизу ждут двое фараонов с приказом королевы* (Е. Суриц, 1997); *Oh, Jesus, we better beat it outa dis before de cops git here.* Th. Dreiser. An American Tragedy (1925) → *Надо поскорей удирать отсюда, пока не явились фараоны!* (Н Галь, З. Вершинина, 1948).

Несмотря на то, что эту тенденцию продолжают современные переводчики, необходимо отметить, что в XXI веке они начинают постепенно использовать активно вошедшие в русский язык формы *коп* и *копы*, что позволяет сделать вывод о том, что негативное знание о *фараонах* в значении 'полицейские' начинает постепенно уходить из коллективной памяти, что можно проиллюстрировать примерами из переводов романа Д.Х. Чейза «Consider Yourself Dead» (1978) на русский язык: *стопроцентный фараон* (М. Савелова, 1995), *стопроцентный упертый бывший коп* (П.В. Рубцов, 2011), *стопроцентный честный коп, хоть и бывший* (Е. Королева, 2020). Таким образом, в коммуникативном контексте СЛОВА со стоящим за ним (индивидуальным) образом мира находят свое отражение личностные и социальные модели коммуникативных ситуаций.

В рамках оппозиций «Я / МЫ / СВОИ « ОНИ / ЧУЖИЕ» этнонимы могут приобретать дополнительные коннотативные смыслы, манипулирование которыми задает определенный набор фиксированных в массовом сознании интерпретаций. Англоязычные писатели часто высмеивали консерватизм, национализм и узколобый патриотизм британцев. Так, А. Кристи в романе «The Mystery of the Blue Train» (1928) подчеркивает, что ее герой постоянно проживает на европейских курортах, где члены высшего общества из британской колонии буквально «присвоили» себе часть чужой страны, но все время возмущается местными жителями и сравнивает их со своими соотечественниками: *He was one of those staunch patriotic Britons who, having made a portion of a foreign country their own, strongly resent the original inhabitants of it.* В российском обществе сложилась тенденция относиться пренебрежительно не только к жителям других стран, но и к жителям российской глубинки и выражать свое к ним отношение, именуя их *аборигенами*: *Наш городской сосед постоянно оскорбляет меня, деревенского жителя, похабным словом «абориген» и гнусно*

смеется при этом (Комсомольская правда. 13.02.02); *Любой абориген расскажет, как найти излюбленные места гей-тусовок* (Комсомольская правда. 22.04.04). Социальное окружение заставляет переводчика использовать в качестве эквивалента для национально окрашенного негативного эвфемизма *original inhabitants* (буквально ‘первоначальные жители’) именно *аборигенов*, основываясь именно на читательском (культурном, социальном, intersубъективном) опыте реальности, когда СЛОВО приобретает психоэмотивную окрашенность и устойчивые связи с определенными семантическими признаками: *Мистер Эванс принадлежал к тем стойким, патриотически настроенным британцам, которые, проведя почти всю жизнь за границей, никогда не перестают возмущаться характерами и обычаями аборигенов* (С.Н. Шпак, 1991). Используемые в другом переводе *коренные жители* в реплике героя-англичанина по отношению к европейцам заставляет «припомнить» уничтожение коренного населения Америки: *Все французы таковы, – проворчал он, будучи одним из тех стойких британских патриотов, которые, оказавшись в другой стране, начинают возмущаться ее коренными жителями* (В.В. Гирдатов, 2000).

Выводы

Перевод как вторичная интерпретация, реализуемая в виде письменно-фиксируемой личностной (переводческо-читательской) проекции текста, ориентируется на концептуальную систему вторичного читателя из системы принимающего языка. На деятельность переводчика влияют факторы психологического, когнитивного и социокультурного характера, что также обеспечивает N-множественность имеющихся и потенциально возможных переводов. На выбор переводческих эквивалентов и переводческих замен влияние оказывает стоящий за словом образ мира у переводчика как у активного интерпретатора. Выделяемые переводчиками компоненты ситуации зависят от их личностных установок, имеющихся у них как первичных читателей оригинала. Объективные факторы, в том числе историко-временные, и субъективные факторы обуславливают в итоге вторичную концептуализацию и вторичную категоризацию.

© Масленникова Е.М., 2024

Сведения об авторе:

Масленникова Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, факультет иностранных языков и межкультурной коммуникации, Тверской государственный университет

Контактная информация:

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 35 (корпус 10)

ORCID: 0000-0003-3360-8605

e-mail: e-maslennikova@inbox.ru

Для цитирования:

Масленникова Е.М. Смысловые замены и субъективная зависимость в двуязычной текстовой коммуникации // Вопросы психолингвистики №3(61) 2024, С. 37–44, doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-37-44

Литература

- Базылев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс. Ульяновск: УлГУ, 2000. 134 с.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. 184 с.
- Залевская А.А.* Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин: Калинин. гос. у-т, 1988. 95 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. Гос. гуманитар. ун-т, 2007. 560 с.
- Масленникова Е.М.* Модель перевода // Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 100–106.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопэтику. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. 209 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиографическую психологию. М.-Л.: Гос. изд-во, 1929. 308 с.
- Сиротинина О.Б.* Межстилевая и внутрестилевая вариативность языковой системы // Вопросы стилистики. Вып. 21. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 3–8.
- Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5–147.
- Уфимцева Н.В.* Ядро языкового сознания русских // Межкультурная коммуникация и перевод. М.: МОСУ, 2002. С. 9–12.

UDC 811.111'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-61-3-37-44

Research article

SEMANTIC SUBSTITUTIONS AND SUBJECTIVE DEPENDENCE IN BILINGUAL TEXTUAL COMMUNICATION OF TRANSLATION

Evgeniya M. Maslennikova

Tver State University,
Tver, Russia

Abstract

The target text is considered a personal (translation) projection of the source text specially created by its translator for secondary readers belonging to the system of the target language. Thus, translators take into account secondary readers' conceptual systems. At the same time, translators interpret the source text nearly in the same way primary readers from the system of the source language do it. Translators' image of the really existing World and the text World determines both the choice of translation equivalents and substitutions and the

implementation of situation components from the text World. N-multiplicity of translations is influenced not only by psychological, cognitive, and socio-cultural factors, but also by translators' attitudes, because of which they begin to attribute actual (or currently actualised) meanings to the source text while performing semantic substitutions. All added meanings can transform and / or modify the text World created by its author. The purpose of the article is to show how the principle of semantic substitutions and the principle of subjective dependence (terms of A.A. Zalevskaya) influence the (re)construction of the text World done by translators. The study is based on the analysis of translations of works by Russian writers into English and translations of works by English writers into Russian.

Keywords: text, understanding, translation, interpretation, meaning, semantic substitutions, subjective dependence

© Maslennikova E.M., 2024

Bionotes:

Evgeniya M. Maslennikova – Candidate of Philology, Associate Professor of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Faculty of Foreign Languages and International Communication, Tver State University

Contact information:

170100, Tver, st. Zhelyabova, 35 (building 10)

ORCID: 0000-0003-3360-8605

e-mail: e-maslennikova@inbox.ru

For citation:

Maslennikova E.M. Semantic substitutions and subjective dependence in bilingual textual communication of translation // Journal of Psycholinguistics. 3(61), 2024. P. 37–44. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-61-3-37-44 (In Russian)